ДИАЛОГ. КАРНАВАЛ. ХРОНОТОП. № 1, 1992.

Ю.П.МЕДВЕДЕВ

"НАС БЫЛО МНОГО НА ЧЕЛНЕ..."

"Мы свое отбаяли до срока /Журавли, застигнутые вьюгой..."— в этих строках "Плача о Сергее Есенине" Клюевым угадана судьба многих российских интеллигентов и судьба его друга Павла Медведева, кому ранее он посвятил стихи "Россия плачет пожарами..."

Павел Николаевич Медведев (1892-1938) прожил недолгую (а в России, как известно, надо жить долго), но крайне насыщенную жизнь, заполненную литературным и научным трудом, самозабвенной преподавательской и просветительской деятельностью, собиранием отечественной культуры, самоотверженной дружбой.

Еще будучи студентом Петербургского университета, он выступил как литературный критик. В июне 1912 года он предложил редактору "Современника" сразу три статьи — о Брюсове, Блоке и "К философии русской литературы"[1].

В том же году напечатана его статья о книге стихов М.Кузмина "Осенние озера", по своим выводам близкая, как указывают комментаторы новейшего издания поэта[2], более поздней оценке В.Ходасевича.

В 1915 году Медведев уходит на фронт, публикуя в газетах реляции из действующей армии и статьи о Пушкине, Гоголе, Андрее Белом.

После Февральской революции двадцатишестилетнего юриста и литератора, обладавшего незаурядным общественным темпераментом, демократическая Дума Витебска избирает городским головой, а после Октябрьского переворота П.Н. Медведев налаживает жизнь города, который становится в эти годы крупным культурным центром и о феномене которого сохранилось немало свидетельств и воспоминаний.

Культурная жизнь Витебска в 1918-1922 годах во многом зависела от художественной политики, которую проводили Губернский подотдел внешкольного образования и подотдел искусств, во главе которых поочередно стоял Медведев. О размахе созидательной деятельности подотдела искусств читаем в недавней монографии Л. Михеевой о Соллертинском[3].

Секцию изобразительного искусства подотдела возглавлял Марк Шагал. В витебской печати тех лет находим неоднократные сообщения о совместном участии Шагала и Медведева, наряду с другими, в ряде городских культурных новаций: открытии народного художественного училища (вместе с его директором М. Добужинским) в январе 1919-го[4], "первом художественном Митинге-Диспуте об искусстве" 9 февраля того же года[5]. В Госархиве Витебской области сохранились документы, свидетельствующие о том,что Шагал и Медведев входили в состав комиссии по закупке картин для Губернского музея в мае 1920-го[6]... Вероятно и кратковременное участие Шагала в кругу бахтинского содружества, о котором упоминает Цветан Тодоров[7], но в июне 1920-го Шагал из Витебска уже уехал.

Витебская печать тех лет называет Медведева инициатором крупных городских начинаний — от "Общества свободной эстетики"[8] и Ви-

тебского института гуманитарных наук и искусств[9] до первой студии инструкторов хореографии[10] и популярных симфонических концертов. Его разносторонние дарования воплотились и в репертуаре городского театра, где он выступает не только как критик, предваряющий своей лекцией спектакль[11], но и как режиссер: зимой 1920-го на сцене шел "Царь Федор" Алексея Толстого в постановке П.Н. Медведева и А.А. Сумарокова"[12].

Будущее виделось Медведеву в приобщении народа к великому культурному наследию. Но будучи "классиком" по образованию и убеждениям ("не в прошлом мы живем, а в вечном",— напишет он в 1923 году[13]), Медведев, хлебнувший войны и послереволюционного хаоса, с вниманием и сочувствием прислушивался к запросам новой, широкой аудитории, осмысляя эти запросы и находя новые формы преемственности культуры. Вступительная лекция Медведева к серии литературных вечеров и диспутов, посвященных современным писателям и поэтам, называлась "Новые веяния в русской литературе. Их происхождение и развитие"[14].

Русская литература на переломе веков, ее история и философия — тема, особенно занимавшая Медведева. Будущий блестящий музыковед и театровед И.И. Соллертинский, как явствует из его записных книжек[15], не пропустил ни одной лекции Медведева по русской литературе XX века, там же — в институте народного образования (ИНО) — он слушал и М.М. Бахтина.

Витебский журнал "Искусство" (№ 1 за 1921 год) сообщал, что Бахтин готовит работу о нравственной философии, а Медведев — о русской литературе XX века.

Этот курс, включавший поэтику символизма, Медведев читал в педагогическом институте и Пролетарском университете, председателем правления (ректором) которого он был в эти годы. В 1919 году в "лекторскую коллегию" университета были приглашены профессор С.О.Грузенберг и Л.В. Пумпянский[16].

Университет издавал свой журнал. "Закончен печатанием и поступил в продажу № 4-5 "Записок Витебского пролетарского университета",— сообщали витебские "Известия".— Содержание номера следующее: статья П.Н. Медведева о Пушкине к 120-летней годовщине его рождения, стихи А. Блока "Скифы", рассказы Е. Замятина "Огненное А"..."[17]. Интересен отклик на это издание в петроградском журнале "Внешкольное образование": "Редакционной коллегии "Записок" и Совету Пролетарского университета не вредно бы отнестись более внимательно и критически к тому, что рекомендуется пролетариату... Терпимость коллегии "Записок" беспредельна...— от Иловайского, воспевшего самодержавие, до мистика (имелся в виду А. Блок.— Ю.М.) включительно"[18]. Приверженность классике в годы небрежения ею — и тогда, и позже — ставилась Медведеву в вину неоднократно.

В Витебске была написана первая книга Медведева, посвященная поэту, с которым у поколения Медведева был "интимный и глубокий роман",—"Памяти А.А. Блока", вышедшая в Петрограде в обложке Юрия Анненкова[19]. "Блок,— писал Медведев ранее, в день смерти поэта,— выразитель нашей юности, голос ее надежд, видений, мечтаний..."[20]. С этими словами перекликается запись М.В. Юдиной, сделанная ею уже в конце жизни: "Юность наша, многих людей искусст-

ва, науки, практической жизни — была окрылена бескорыстием..., если угодно — романтизмом, убежденной и органической идеализацией событий и людей, и друг друга; в центре всех и каждого стояло искание истины...— каждый на свой лад мог повторить дивные слова Блока: "Я слышал шум переворачиваемых страниц истории"[21]. Но и в 1940 году Михаил Зощенко смог убежденно написать о Медведеве: "Всякий раз встречаясь и разговаривая с ним, я убеждался, что он человек исключительной доброты, человек умный, честный и горячо любящий... литературу"[22]. Между двумя этими суждениями — ретроспективным и посмертным — жизнь и судьба П.Н. Медведева.

С витебской поры Медведева связывает дружба с Бахтиным, Юдиной, вероятно, с Волошиновым, участие в общем философско-эстетическом поиске, продолжившееся потом в Петрограде.

Преподавательская и лекторская работа Бахтина в Витебске, потом — сотрудничество с ленинградским ГИЗом, появление в печати его книги о Достоевском — за всем этим стоит реальная, необходимая поддержка Бахтина его старшим другом —"патронаж"[23], как сказано в биографии ученого, изданной в Америке. Но и в 1936 году Бахтин, которому после ссылки было запрещено проживать в крупных городах, по рекомендации Медведева был приглашен в Саранский педагогический институт[24]. Только сейчас становится очевидно, что значила эта поддержка в жизни и судьбе ученого.

В 1922-24 годах, когда Медведев жил в Петрограде, а Бахтин еще оставался в Витебске, недостающее обоим общение для Медведева в какой-то мере компенсировалось кругом литераторов и ученых, которые участвовали в редактируемых им в эти годы "Записках Передвижного театра", закрытых Политпросветом в 1924 году. Это были В.Жирмунский, Б. Томашевский, А. Пиотровский, Б. Казанский, А. Гвоздев, А. Гизетти, Э. Голлербах, И. Груздев, В. Волошинов, поэты Н. Клюев, К. Вагинов. Трое последних, как известно, в разной мере приняли участие в бахтинском содружестве.

"Записки Передвижного театра" менее всего были специальным театральным журналом. Палитра культурной жизни, представленная на его страницах, включала литературоведение и критику, книжные новости, картину художественной и научной жизни города — статьи о Вольфиле, институте истории искусств, Пушкинском Доме, Археологическом институте, Эрмитаже — о тех гнездах культуры, где бурлила живая, ищущая мысль. Журнал во многом отражал интересы и поиски своего редактора ("Мастерская рука П.Н. Медведева, как редактора..."[25],— скажет о нем руководитель театра и издатель журнала П.П.Гайдебуров), был его трибуной, если не кафедрой.

Участники философских и научных споров той поры (в частности, бурного диспута "О формальном методе" в Вольфиле зимой 1922-23 года) были собеседниками Медведева и авторами журнала. В этой среде и атмосфере интенсивной литературной жизни Петрограда тех лет вызрела статья П. Медведева "Ученый сальеризм. О формальном (морфологическом) методе)", написанная в октябре 1924 года[26] и по сей день цитируемая в философской литературе[27]. Эта статья, наряду с некоторыми другими, положила начало его исследованию русской формальной школы. Положения этой статьи потом были развиты в других, более поздних работах.

В Петрограде Медведев готовит курс поэтики, который он вскоре начнет читать, наряду с курсом русской литературы, в Герценовском институте, продолжает собирать материал по психологии творчества[28], работает над книгой по стилистике, развивая и совершенствуя рукопись "Методологические предпосылки истории литературы".

Стилистика, понимаемая широко как "проблема эстетического объекта", психология творчества и психология художественного восприятия — эти "три проблемы, в совокупности своей охватывающие природу, специфический характер и задачи словесного художественного творчества" и составляющие "предмет поэтики как теории словесного искусства"[29] постоянно находятся в поле его научного кругозора. Это прослеживается даже по тем кратким рецензиям, которые он публикует в своем журнале, не пропуская ни одной из новых работ по этой проблематике, всегда готовый существенно дополнить неучтенную авторами литературу по исследуемому вопросу.

Интересна сама манера работы Медведева над книгой: книга продумывается целиком, потом составляется ее тезисный план по главам (каждая глава — на отдельном листе), сюда же включаются выдержки из тех авторов, с которыми солидаризируется или полемизирует Медведев. Вот как, например, выглядит одна из глав будущей книги, записанная от руки. Приведем ее дословно.

"Гл.IX.

Словесная обработка жанрового целого[30].

Слово стилистики — не лингвистическое слово.

Ни один элемент словесной ткани не обрабатывается вне целого высказывания.

Учение о тропах. Опора его — в изучении конкретных жанровых конструкций.

Лексика. Лексика не может опираться на лингвистику. Слово приходит в высказывание не из словаря и не из абстрактной системы языка"[31].

К этим тезисно обозначенным темам главы сделаны две выписки из работы Г. Винокура "Поэтика. Лингвистика. Социология. Методологическая справка", опубликованной в 1923 году в "Лефе"[32].

Отвечая 8 апреля 1924 года на вопросы анкеты кабинета современной литературы Института истории искусств, где в 1923 году им были прочитаны три доклада, Медведев сообщает: "В рукописи лежат три книги: "Очерки по психологии художественного творчества", "Методологические предпосылки истории литературы" и "Русская литература XX века".

Отвечая на другие вопросы той же анкеты, он отмечает: "Наиболее часто мои мысли перекликаются с А.Н. Веселовским, Оск. Вальцелем, Г. Лансоном, Ап. Григорьевым и В.М. Жирмунским"... "Причисляю себя к историко-литературному направлению. Здесь нет игры словами. Подробно и ясно об этом — в моих "Методологических предпосылках".

В другой анкете, от 20 мая 1925 года, указано, что эта рукопись имеет объем 8-10 печатных листов. (Колебания в определении точного объема объясняются тем, что рукопись существовала не в машинописи, а именно в рукописи — Ю.М.). Внутреннюю убежденность в правомерности своих общеэстетических выводов, "динамическое понимание литературы" Медведев укрепил, изучая и анализируя материалы блоковского архива. Написанная им творческая история драм и поэм А. Блока была важна для автора не только в плане углубленного понимания творчества поэта, но и как "генетическое изучение художественных явлений"[33].

Что касается самих блоковских штудий Медведева (как и других его работ о поэзии), то современный знаток "серебряного века" А.В.Лавров сегодня оценивает их так: "Медведев — один из первых исследователей русского символизма; особенно глубоко и фундаментально он изучал творческое наследие А. Блока. Книги и публикации Медведева — среди них "Памяти А.А. Блока" (1922), "Драмы и поэмы Ал.Блока (Из истории их создания)" (1928), подготовленный им "Дневник" (1928) и "Записные книжки" (1930) Блока — заложили основы научного истолкования творчества крупнейшего поэта начала XX века; ими во многом определяется уровень блоковедения 20-х годов"[34]. К этому можно добавить, что "Памяти А.А. Блока" спустя более полувека переиздана в "ИМКА-Пресс", а книга "Драмы и поэмы" до сих пор не выпадает из научного обихода. Пожалуй, не будет преувеличением сказать и то, что в 30-е годы научного истолкования творчества Блока уже не было, истолкование могло быть лишь идеологическим.

В 1927 году получила известность совместная книга Клюева и Медведева "Сергей Есенин"[35], вышедшая одновременно со "Злыми заметками" Бухарина. "О чем они плачут?"— язвительно вопрошал авторов "комсомольский поэт" Безыменский и наклеивал на них ярлык антисоветчиков[36]. Сохранились заметки Медведева о Клюеве, наблюдения над характером его стиха. Но безвозвратно утрачены при аресте многие десятки поразительных клюевских писем.

С закрытием в начале 1924 года "Записок Передвижного театра" Медведев вступает в "Содружество" петроградских писателей (Н. Баршев, А. Чапыгин, М. Фроман, Б. Лавренев, В. Рожденственский и другие — в большинстве бывшие авторы "Записок"). Как и "Серапионы", участники "Содружества" по идеологической шкале числились в "попутчиках"[37]. В связи с перманентным "обострением классовой борьбы в стране" это положение нельзя было считать ни безопасным, ни способствующим сосредоточенной работе. "Содружество" стремилось создать "благоприятную, сочувственную атмосферу, вне которой тяжело прорастает художественное дарование" (П. Медведев)[38]. Это было существенно для Медведева, так как теперь он нигде постоянно не служит и целиком отдается литературной, научной и лекционной работе. Это оказался наиболее плодотворный для научных занятий период, когда были подготовлены главные его труды.

Его избирают в Правление Петроградского отдела Всероссийского союза писателей, созданного еще в 1918 году, когда, "разбросанные в разные стороны революционным землетрясением, писатели вновь стали осознавать себя, чувствовать себя некой единой общественной груп-

пой, вновь начали строить свою профессиональную организацию"[39]. Медведев участвует в его работе в течение нескольких лет, когда председателями правления были Аким Волынский[40], Федор Сологуб[41] и Вячеслав Шишков[42].

В правление тогда входили Е. Замятин, А. Ахматова, Н. Тихонов, К. Федин, Э. Голлербах, А. Смирнов и другие литераторы и ученые.

Сохранились стихотворные "портреты" Медведева тех лет, сделанные Э. Голлербахом[43] и В. Рождественским. Вот фрагмент одного из них:

...Не оглушен базарным хором,
В святую логику влюблен,
Ты переходишь шумный форум,
Как некий Кай иль Цицерон.
Но все же, римлянин, иная
Тебе ответствует страна...[44]

Не дошедшая до нас ранняя статья "К философии русской литературы", указанная в анкетах рукопись книги "Методологические предпосылки истории литературы", усиленные занятия проблемами поэтики, отразившиеся в рецензиях и статьях 20-х годов, как и то немногое, что пока разыскано из рукописных материалов,— свидетельствуют о глубоко личном переживании Медведевым проблем теории литературы, о компетентности и органичности его пути к построению новой теоретической поэтики.

К марксизму он пришел не просто и не сразу, что даже заставило А.Ф. Кони предположить, что "Медведев и другие"—"марксисты из-под палки"[45]. Хотя эта эволюция Медведева, с его социальным запалом, активной общественной и культурно-просветительской деятельностью с предреволюционных времен и историко-литературной научной ориентацией, вполне понятна. Тогда еще марксизм не успел выродиться в тот вульгарный партийный догматизм, который стал государственной идеологией и в 30-е годы захлестнул уже всю гуманитарную улицу.

Процесс работы над книгой "Формальный метод", оформившейся как "критическое введение в социологическую поэтику", протекал в атмосфере исканий бахтинского содружества и, надо думать, был обогащен участием Михаила Михайловича Бахтина. Не исключено, что книга эта с бо́льшим основанием может считаться их общим достоянием, чем нередко являются труды, сложившиеся в результате интеллектуального общения, будь то кружок, или семинар. Здесь торжествовал диалог. Но вопрос авторства книги дано решать (и было дано решить) только двоим.

Старший коллега Медведева, известный литературовед В.А. Десницкий (1878-1958) писал: "На моих глазах происходила и научно-исследовательская работа П.Н... Его наиболее ценная работа ("Формальный метод в литературоведении") проведена и выполнена, в значительной мере, с использованием моих указаний и советов"[46].

Обсуждение работы с коллегами было делом естественным и даже необходимым при подготовке книги, новаторской по проблематике и остро критичной по отношению к влиятельной филологической школе в лице ее блестящих и деятельных представителей.

Ленинградский период — важнейший в истории бахтинского содружества. Здесь, в 1924-1928 годах, в интенсивном творческом диалоге определяется и формулируется мировоззрение его участников, складывается научный круг, выходят в свет работы этого круга, считающиеся теперь основополагающими и переведенные на все основные языки мира. Это "Проблемы творчества Достоевского" М.М. Бахтина (1929); "Фрейдизм" (1927) и "Марксизм и философия языка" (1929) В.Н. Волошинова; "Формальный метод в литературоведении" П.Н. Медведева (1928), а также ряд известных статей.

Друзья регулярно встречались, вели беседы на философские, религиозные и научные темы. "На квартире М.В. Юдиной,— пишет Бахтин,— был прочитан цикл лекций о современной поэзии... Докладчиками были Пумпянский, Медведев и я". На квартире Щепкиной-Куперник был вечер, посвященный Есенину. Доклады делали Медведев и Пумпянский, свои стихи читали Клюев и Рождественский. На квартире Бахтина "были прореферированы важнейшие работы самого Фрейда и его последователей", "делались рефераты... по искусствоведению". "Аудитория состояла из ближайших друзей (Тубянский, Медведев, Волошинов, Ругевич) и одного-двух случайных знакомых",— пишет Бахтин. Эта "деятельность моя и моих друзей явилась выражением известных умственных исканий и умственного беспокойства, порожденных необходимостью выработать новое для нас, адекватное социальной действительности... мировоззрение,— считал Бахтин.— Процесс этой выработки для нас, людей, умственно уже созревших и обладавших большими и разносторонними теоретическими познаниями, не мог быть процессом пассивного и легкого усвоения элементов готового мировоззрения, он неизбежно должен был принять характер трудной и тяжелой работы по переоценке и проверке всех своих знаний и убеждений"[47].

Этот процесс, ознаменованный появлением названных выше трудов, вошел в историю культуры и получил известность в гуманитарном мире. Имена Бахтина, Медведева и Волошинова в работах исследователей стоят рядом, когда речь идет об этом периоде и направлении в "русской теории литературы"[48].

Однако подлинное значение этих трудов было осознано и оценено далеко не сразу. Проработочная критика — рупор пролетарской диктатуры (в частности, в известном докладе и статье Ермилова "За боевую творческую перестройку", 1932) — обрушивалась и на литературоведов, разными, иногда совсем не совпадающими, путями, шедших в поиске научной истины. И "небезызвестный Эйхенбаум", и "академист" Оксман, и беспартийный марксист Медведев, ответственные за "кантианство, формализм и другие виды самого черного мракобесия"— все вместе рассматривались "как ответ буржуазной критики на наше наступление"[49]. Эту реакцию предвидел Борис Пастернак, написавший Медведеву 20 августа 1929 года по поводу "Формального метода": "С трудом представляю себе, чтобы при такой методологической содержательности вас признали правоверным марксистом. И, вероятно, с внешней удачей вас поздравить нельзя"[50].

Долгому забвению трудов содружества способствовали также арест М.М. Бахтина в декабре 1928 года и П.Н. Медведева в феврале 1938 года за участие в "антисоветской организации".

М.М. Бахтину, прожившему трудную, полную лишений и потерь жизнь, чудом довелось пережить своих друзей и соратников. И в конце пути его, наконец, коснулась и согрела уже набравшая силу подлинная и безусловная мировая слава.

Фигура Бахтина глубоко оригинальна и по масштабу превосходит всех его друзей, но формировалась эта личность не в вакууме, а в диалогическом общении с эпохой, искусством всех времен и народов и в дружеском кругу талантливых людей.

Принято говорить и писать о "карнавальной атмосфере", характерной для людей этого круга, нашедшей отражение в романах К. Вагинова, где прототипами персонажей послужили участники бахтинского содружества. Но этот приватный, гиперболизированный искусством Вагинова карнавал противостоял и был поглощен гигантским "карнавалом" культурной революции. Пространство трагедии вмещало все: и выкорчевывание религии, и политическую травлю литераторов — "попутчиков", и привлечение ударников в литературу, социалистическое соревнование — *в труде и доносительстве, памятники научным ошибкам* и вербовку провокаторов из среды участников тех самых кружков и объединений, где интеллигенция спешила "надышаться смехом, игрой, разного рода розыгрышами и шутками друг над другом"[51], не прекращая при этом поиска истины и отстаивая преемственность культуры.

Но вот отгремел "карнавал с косой" и запорошен был снегом и пеплом Архипелага и Войны, пришла "оттепель", потом — посмертные реабилитации, стало снова просыпаться и "игровое начало", осмелевшее в годы застоя.

"Карнавализация", блистательно введенная Бахтиным в мировой научный кругозор, *по законам моды спустилась в литературную среду* — и вот уже сам круг Бахтина стал ареной и жертвой "сплошной карнавализации".

Профессор Реформатский много лет назад увлеченно убеждал другого известного филолога, члена-корреспондента Академии наук Агнию Васильевну Десницкую[52], что волошиновские книги и статьи, выходившие в 20-30 годах в Ленинграде, на самом деле принадлежат Бахтину, а что Волошинова вообще не было, что это имя вымышленное, плод розыгрыша и карнавальной мистификации. И был разочарован, когда его собеседница возразила, что знала самого Волошинова, который вполне материализовался в качестве аспиранта, а потом и доцента Герценовского института, приходил домой к ее отцу — профессору В.А. Десницкому, декану факультета и заведующему кафедрой, при которой и состоял этот новый Киже.

Другой работой, которую безоговорочно признали бахтинской, была статья И.И. Канаева "Современный витализм", напечатанная в 1926 году. Правда, с этой статьей произошел казус: оказалось, что ее частично написал философ Н.О.Лосский[53], но Лосского тогда еще не читали, читали только Бахтина.

Будь Медведев менее известен, и ему была бы уготована участь тыняновского поручика. А если бы кто-то удосужился возразить, прочитав письма Тынянова к Медведеву, или дарственную надпись на "Вазир-Мухтаре", или увидев случайно Тынянова и Медведева вместе, на одной фотографии[54], то и здесь нашлось бы глубокомысленное и весе-

лое решение: своего Киже Тынянов писал с Медведева. А почему бы и нет?

К сожалению, я не утрирую. Судите сами: сегодня уже три вагиновских персонажа из одного романа "Козлиная песнь" (1927 г.) претендуют быть списанными с Медведева[55]. Третьего из них — Асфоделиева — совершенно произвольно запустила на историко-литературную орбиту Катерина Кларк, написавшая вместе с мужем, Майклом Холквистом, биографию М.М. Бахтина. И хотя еще Вагинов просил "сопоставлять книгу с другими литературными произведениями, а не с живыми людьми", у Кларк и Холквиста факты медведевской биографии отобраны и интерпретированы так, как будто это жизнь и труды Асфоделиева[56].

Столь же бесцеремонно обращение с трудами соратников Бахтина: Кларк и Холквист не смущаются, передавая Бахтину тексты, которые даже на его родине не фигурировали в числе "спорных", и искажая тем самым всю картину. Но ведь и у нас ситуация не лучше...

Если в прижизненном биографическом очерке, посвященном Бахтину, о книгах Волошинова и Медведева говорится как о работах, сложившихся "на основе бесед с Михаилом Михайловичем", если в научных трудах этого времени речь идет о "школе Бахтина", а "Формальный метод" фигурирует как книга Медведева, который именуется "ближайшим единомышленником Бахтина", то вскоре дух переписывания истории советской литературы овладевает критическим мышлением настолько, что труды содружества торжественно передаются уже одному Бахтину[57].

Но Бахтин не взял.

Не принял навязанного ему наследия, оставив в заложниках порочной мистерии многих своих доброжелателей, совершив, по их мнению, свой последний карнавальный жест. Но тем самым достаточно определенно заявив и свою последнюю, предсмертную волю.

Этот жест классика можно объяснить по-разному, хотя, на мой взгляд, ему есть одно-единственное истолкование.

Можно говорить о верности и уважении Бахтина к памяти покойных друзей, о нежелании делить "общее имущество"[58] — и эти мотивы должны были присутствовать у него, даже под следствием не отрекшегося от своей религиозности и от своих друзей. Честнейшего Бахтина, подписавшего себе приговор во время первого же допроса 26 декабря 1928 года, когда на вопрос о политических убеждениях он ответил: "Беспартийный. Марксист-ревизионист... Религиозен"[59].

Слово Бахтина не расходилось с делом, его нравственная философия включает в себя ответственность за поступок. Впрочем, масштаб Бахтина как личности предусматривал такой стиль поведения даже если бы им не были написаны "Искусство и ответственность" и "Философия поступка". Не подписав подготовленную для него бумагу, удостоверяющую принадлежность ему всех перечисленных выше работ, Бахтин остался верен истине и самому себе. Только и всего. Но это "только"— и есть примета исключительности.

Гласом вопиющего в пустыне прозвучал отрезвляющий призыв С.Аверинцева — оставить проблему соавторства нерешенной и "считать ее не подлежащей решению"[60]. Как же оставить, как же считать! Проблема-то давно решена! Хотя "серьезных доводов в пользу автор-

ства М.М. Бахтина пока не приводилось",— как недавно подытожил Н. Васильев, автор последней из известных нам работ на эту тему[61].

Не стихает карнавальный ажиотаж на бахтинском Олимпе. Все роли вокруг классика распределены — от тени старшего брата до камердинера.

Но где же тот, кто внемлет воле Бахтина?

Тем временем, конфискация медведевского наследия, начатая НКВД в 1938 году с имущества и архива, продолжается: подготовка подписания Бахтиным упомянутого выше документа для агентства по авторским правам (ВААП) была выдана за свершившийся факт подписания и в этом качестве перекочевала за рубеж, породив издание "Формального метода" в издательстве "Серебряный век" под фамилией одного Бахтина. Правда, издатели, хотя и пошли на это, "не заботясь уже ни о чьем престиже или приоритете" и не пренебрегая рекламой (поскольку популярность Бахтина в мире приближалась к апогею), но отметили неладное: "Есть, однако, в этой истории несколько настораживающих моментов...,— написано в предисловии.— Думается, что естественное стремление к восстановлению истины и справедливости играет здесь лишь второстепенную роль..". "Подоплека кампании" авторам предисловия видится "в области таких понятий, как престиж и приоритет советской науки"[62].

(Скажу в скобках, что нам она видится не только и не столько в этом, но в других обстоятельствах, частного характера, идущих издавна, из 20-30-х годов, обстоятельствах, нередких в литературной среде и далеких от заботы о науке и Бахтине. Дай Бог, чтобы об этом не пришлось ни писать, ни говорить никогда!)

Одним из главных приемов "кампании" как раз и является создание "ученого" мнения за рубежом, чтобы компенсировать тенденциозность домашних доказательств. Переданное на Запад как слух, как мнение авторитетного человека, которое вежливым иностранцам неловко оспаривать, потом с Запада оно возвращается к нам как некое имеющее хождение в компетентных кругах суждение, на которое может сослаться и опереться тот, кто его и "запустил". Мы привыкли прислушиваться к чужому мнению больше, чем к своему, а тут — получается хитрее: свое под видом чужого.

Ярким образцом здесь является уже упоминавшаяся биография Бахтина, написанная Кларк и Холквистом. Историки науки легко найдут и проследят источники вдохновений и откровений этой книги. Сохраняя значение первой и пока все еще единственной биографии М.М. Бахтина, книга эта со временем все отчетливее обнажает и свои минусы, сочетающие скороспелость журналистской манеры с недостаточностью кругозора, необходимого при обращении к этой теме...

Но надо сказать, что за рубежом проблема авторства "спорных текстов" обсуждается очень серьезно. Зарубежные слависты, сначала сбитые с толку категоричными заявлениями "очевидцев", начали разбираться самостоятельно, изучая и сравнивая тексты Бахтина и его друзей. Принципиальную позицию в этом вопросе заняли американский исследователь И.Р. Титуник, французский литературовед Цветан Тодоров, другие исследователи, настаивающие на диалогическом характере творческого общения Бахтина, Медведева и Волошинова[63].

Среди свидетельств "очевидцев" есть одно, заслуживающее внимания, поскольку оно принадлежит другу и жене Михаила Михайловича. Переводчик "Формального метода" на английский язык А. Уэрль в предисловии к книге рассказывает, как над Бахтиным был поставлен своеобразный эксперимент. Перед ним на стол, как бы невзначай была положена книга "Формальный метод" — в ожидании его реакции. Но Бахтин,— как пишет Уэрль,— не сказал ничего, а Елена Александровна Бахтина, якобы воскликнула: "Сколько раз я переписывала эту книгу!"[64]

Казалось бы, эти слова, в правдивости которых нельзя сомневаться, настолько определенно указывают на авторство, что и комментарии излишни. Но — это для тех, кто не знаком с перипетиями ленинградской жизни Бахтиных. Те же, кому близок этот период их жизни, знают, что Бахтины тогда нередко нуждались и другие, более удачливые в заработке члены содружества (Юдина, Медведев) старались им помочь — и это не было секретом для окружения.

При тех отношениях, которые были приняты в дружеском кругу, переписывание (перебеливание) рукописи оказывалось способом заработка, если не деликатной формой материальной помощи. Кроме того, Елена Александровна была независимой в своих суждениях, имела свой "почерк" в житейских ситуациях, о чем пишет М.В. Юдина,которая пронесла через всю жизнь дружбу с Бахтиным и его женой, все-таки омраченную размолвкой в конце[65].

Обо всем этом не стоило бы писать, если бы на сегодняшний день не сложилась парадоксальная ситуация: книга П.Н. Медведева "Формальный метод..." (из-за недостатка места я сейчас оставляю в стороне в чем-то аналогичную ситуацию с трудами В.Н. Волошинова) существует в мире в трех вариантах авторства — под именем Медведева (как западногерманское или югославское издание), в соавторстве: Медведев-Бахтин (Балтиморское издание, США) и, наконец, под именем одного Бахтина в уже упоминавшемся издании "Серебряного века". Этот вариант недавно переведен на китайский. Не мудрено, что китайские слависты воспользовались этим русскоязычным изданием, ведь оригинал, вышедший в 1928 году тиражом в три тысячи экземпляров, изъятый почти из всех библиотек и только сейчас освобожденный из узилища спецхрана (где он далеко не везде сохранился), практически недоступен. Не знаю, в каком виде книга вышла в Японии. Японские ученые были озабочены проблемой атрибуции "спорных" текстов и приезжали советоваться с советскими коллегами. Но коллеги — все одни и те же люди, они уже высказались достаточно широковещательно, так что я не предвижу неожиданностей и настроился подождать другого столетия, свободного от наших пристрастий и наших грехов.

Вячеславу Всеволодовичу Иванову, выступившему инициатором передачи Бахтину названных текстов[66], на мой взгляд, убедительно возразила А.В. Тамарченко — в большой статье, предваряющей переиздание в Нью-Йорке книги Волошинова "Фрейдизм"[67].

Сюжет следует завершить новейшим примером. В документальном романе С. Ласкина "Вечности заложник" подробно комментируется редкая фотография, запечатлевшая участников творческого вечера М.Кузмина в мастерской М. Наппельбаума: среди гостей А. Ахматова, Н.Клюев, К. Вагинов, Е. Шварц... Дойдя до Медведева, автор вполне

доброжелательно сообщает, что это "литературовед и критик, знаток Блока, друг М.М. Бахтина, согласившийся, по просьбе Бахтина, выпустить после его ареста книгу под своим именем, но и Медведев,— пишет автор,— был арестован и расстрелян, сына его — Юрия Павловича — я хорошо знаю"[68]. Как неловко читать это сегодня, ведь книга-то вышла еще до ареста Бахтина, да и при чем тут я, как будто бы (так можно понять из контекста) и сообщивший автору эти сведения! А ведь роман Ласкина, тиражированный журналом и уже вышедший отдельным изданием, пойдет гулять по стране, разнося еще одну несостоятельную версию. С автором же мы говорили о многом, только не о том, что он написал, об этом мы просто не говорили никогда. **Вот так и** рождаются мифы!

Последний пример — это уровень абсурда, когда уже хочется не плакать, а смеяться! Вероятно, это "конец периода"! Да, нужно было воздать должное Бахтину, когда эпоха еще продолжала сопротивляться — в этом единственное оправдание (если здесь уместно это слово!) тому насилию, которое было совершено по отношению к его друзьям и соратникам, к истории их творческих взаимоотношений. Серьезным импульсом нового, более вдумчивого подхода к творчеству Бахтина и его круга может стать исследование американских профессоров Гари С. Морсона и Кэрил Эмерсон, (вышедшее недавно в Стенфорде)[69], где ученые доказательно настаивают на том, что не только Бахтин влиял на Волошинова и Медведева, но и их идеи имели важное значение для его собственной эволюции. Спорность текстов в этой книге снимается, закрепляя первоначальное авторство. Хотя осадок от развернутой кампании, вероятно, долго еще будет затемнять истину и ронять достоинство всех четверых участников "научной драмы", включая Бахтина...

...В конце 20-х Медведев преподает в Педагогическом институте имени Герцена, ведет научно-исследовательскую работу в ИЛЯЗВе (Институт сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока), заведует литературно-художественным отделом Ленгиза. К этому времени относятся два, ныне опубликованных цикла писем к нему А. Белого[70] и Б. Пастернака[71]. Из этой интереснейшей переписки, в частности, видно, что и в эти годы Медведев устремлен на собирание отечественной культуры. Он был инициатором написания А. Белым мемуарной книги "На рубеже двух столетий"[72], издания полного текста романа в стихах "Спекторский" Б. Пастернака, опубликования бахтинской книги о Достоевском[73]...

"...Мне хотелось бы самому провести Вашу книгу до печатного станка,— писал он Белому, предвидя возможные редакционные осложнения.— Это, пожалуй, даже необходимо"[74].

Помимо уже названных ранее книг в эти годы выходят статьи Медведева о писателях-современниках (О. Форш, В. Шишкове, А. Толстом), продолжаются его публикации блоковского наследия.

На "производственном совещании" рапповских критиков в январе 1932 года, цель которого была "нанесение решительного удара по всем враждебным марксизму-ленинизму течениям как в области литературной критики и теории, так и в области самого художественного творчества, руководствуясь указаниями партии и письма тов. Сталина", Фадеев в своем докладе, открывавшем это совещание, назвал Медведева "ликвидатором пролетарской литературы"[75], причем един-

ственного из всей немалой когорты литературоведов и критиков того времени.

В 30-ые годы Медведев почти целиком переключается на преподавательскую работу, которую он любил и сделал главным делом своей жизни. Его книги, выходившие тогда, завершали давно начатое, представляли собой полемически заостренное и адаптированное, в духе требований времени, переложение прошлых сочинений ("Формализм и формалисты", и книга о психологии творчества)[76]. После ареста пошел в размол уже печатавшийся в Учпедгизе двухтомный учебник литературы для вузов. Сгинул в чреве Большого дома НКВД увезенный в брезентовых мешках уникальный архив, содержащий не только рукописи, но и историю литературы XX века в документах, фотографиях и переписке. Осталась ненаписанной книга о Пушкине, материалы для которой он собирал всю жизнь, а свою раннюю небольшую статью о нем назвал "Солнце в зените"[77].

Сохранились многие свидетельства коллег и бывших студентов о том, какие лекционные курсы и как читал профессор Медведев. Их обобщил во вступительном очерке к его книге писатель Ефим Добин: "Лектором Павел Николаевич был поистине блестящим. Широкой эрудицией, ораторским блеском, эмоциональным подъемом он одинаково увлекал и самую изысканную интеллигентную аудиторию и совершенно неискушенного слушателя..."[78]. Харьковский филолог Б.Сивоволов, учившийся в Ленинградском университете, пишет: "...По красноречию, тонкости, изяществу и глубине ума Павла Николаевича можно было сравнить только с историком Е.В. Тарле. На лекциях одного и другого всегда столпотворение..." Эти воспоминания бывшего (к сожалению, лично незнакомого мне) студента, ценны по-особому, так как сопровождены такой автобиографической подробностью: "После тяжелого ранения под Кенигсбергом, когда я стал выздоравливать и думать о жизни, любимом деле, мне вспомнился один человек. Это был Павел Николаевич Медведев..."[79].

...О последних днях Медведева сохранилось свидетельство Николая Заболоцкого. Вот что сообщил Никита Николаевич, сын поэта: "В "Истории моего заключения" Н.А. Заболоцкого говорится о встрече его с Павлом Николаевичем... Мой отец рассказывал маме — и она это хорошо помнит,— как П. Н. Медведев не только сам не поддавался унынию, но и пытался по мере сил подбодрить других заключеных, которыми до отказа была набита камера"[80].

Об истинной судьбе расстрелянного знать не полагалось. Поэтому мама моя — Олимпиада Макаровна Медведева,— не подозревая, что она уже вдова, продолжала хлопотать, бороться за мужа. Ее поддержали коллеги отца — профессора В.А. Десницкий, Н.К. Пиксанов, О.В. Цехновицер, писатели В.Я. Шишков и М.М. Зощенко, направившие свои письма в НКВД. Наверное, можно говорить о сложившемся особом эпистолярном жанре тех лет, где адресат — правительство или тюремное начальство, а цель письма — спасти заключенного или облегчить его участь. Единство этого скорбного жанра делает их в чем-то похожими. И все же письма несут отчетливые черты личности и почерка их авторов, с риском для себя возвысивших голос в защиту "врага народа". Подобные документы должны публиковаться полностью, по-

тому что всегда полезно знать, что благородные люди не переводятся в самые страшные времена.

За социальный романтизм молодости Медведеву суждено было заплатить полной (на языке НКВД —"высшей") мерой. Из причастных бахтинскому кругу — гибель настигла еще Клюева, провидевшего эту судьбу:

Для того ли, дорогой мой братец,
Мы забыли старые поверья,
Чтоб в плену у жаб и каракатиц
Сердце-чайка растеряла перья?..[81]

P.S. Эти заметки о П.Н. Медведеве посвящены 100-летию со дня его рождения, исполнившемуся в нынешнем году, и ни в коей мере не претендуют на полноту. Не только творческая, но даже житейская биография Медведева восстанавливается с трудом, в связи с конфискацией НКВД его архива.

Однако круг документов, рукописей и писем, сохранившихся в государственных архивах, учреждениях и частных собраниях, сейчас расширился и продолжает расти — это позволяет рассчитывать на дальнейшие публикации.

---

[1] См.: Архив Быковых // Отдел рукописей ГПБ, ф. 118, ед. хр. 1454.

[2] Медведев П. Арабески. I. М. Кузмин. "Осенние озера" // Новая студия, 1912, № 9. См. также: М. Кузмин. Избранные произведения. Л.: "Художественная литература", 1990, с. 6 и 513.

[3] Л. Михеева. И.И. Соллертинский. Жизнь и наследие. Л.: "Советский композитор", 1988, с. 16.

[4] "Витебский листок", 1919 г., № 1113. См. также: "Школа и революция", № 2(23), 1919, с. 16.

[5] "Известия Витебского губернского совета крестьянских, рабочих, красноармейских и батрацких депутатов" (в дальнейшем цитируем как "Известия..."), 1919, № 27.

[6] Приказ № 91 по Губернскому отделу просвещения от 21 мая 1920 г. Витебский областной архив, ф. 1168, оп. 1, ед. хр. 62, л. 46. (За сведения о витебском периоде работы П.Н. Медведева — глубокая признательность искусствоведу Александре Семеновне Шатских).

[7] Tzvetan Todorov. Mikhail Bakhtine: Le principe dialogique. Paris, 1981, p. 14.

[8] "Известия...", 1918, № 248.

[9] Там же, 1919, № 171.

[10] Там же, 1918, № 259.

[11] Там же, 1919, № 168; "Витебский листок", 1918, № 1036 и др.

[12] "Известия", 1920, № 166.

[13] "Записки Передвижного театра", Пг,1923, № 45.

[14] "Известия...", 1919, № 145.

[15] Л. Михеева, Указ. соч., с. 28-29.

[16] "Известия...", 1919, № 171.

[17] Там же, 1919, № 145.

[18] "Внешкольное образование", Петроград, 1919, № 6-8.

[19] "Памяти А.А. Блока" // Петроград: "Полярная звезда", 1922; 2-ое изд.: Петроград, 1923.

[20] Умер Александр Блок // "Искусство", Витебск, № 4-6, с. 2.

[21] Архив М.В. Юдиной, ОР ГБЛ, фонд 527.

[22] Из письма М.М. Зощенко в НКВД 19 марта 1940 г. в защиту Медведева. (Копия письма хранится в семейном архиве Медведевых).

[23] Clark K., Holquist M. Mikhail Bakhtin. Cambridge (Mass.), London, 1984, p. 50.

[24] П. Гуревич, В. Махлин. Пророк в своем отечестве // "Советская культура", 22 июля 1989 г., с. 6.

[25] "Записки Передвижного театра", 1923, № 50, с. 2.

[26] Дата написания указана в тексте статьи. Опубликована статья в журнале "Звезда", Л., 1925, № 3(9), с. 264-276.

[27] См., например: А.А. Грякалов. Структурализм в эстетике. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1989, с. 19.

[28] В 1923 г. П. Медведев читает курс психологии творчества для труппы Передвижного театра // "Записки Передвижного театра", 1923, № 67, с. 7.

[29] Рец. П.Медведева на кн.: Р. Мюллер-Фрейнфельс. Поэтика // Там же, № 58, с. 7.

[30] Отметим, что принцип деления глав на подглавки лежит и в основе архитектоники книги "Формальный метод в литературоведении" /Л.: Прибой, 1928/. Интересно, что между приводимым текстом и книгой есть и прямые лексические совпадения /см., например, с. 166, 6 строка сверху/. Публикуемый текст дает наглядное представление о процессе работы над этой книгой.

[31] Рукопись П.Н. Медведева. (Семейный архив Медведевых).

[32] Выписки из статьи Г. Винокура сделаны следующие:
"Де-Соссюр в "Курсе Общей лингвистики" (1914) —"в качестве первой и основной проблемы теоретической лингвистики, выдвигает именно это разграничение между языком, как явлением социальным и языком, как индивидуальным высказыванием. Де-Соссюр решает этот вопрос следующим образом. В самом общем виде мы имеем дело не с языком, а с речью вообще (le langage). В этом общем понятии речи мы выделяем две стороны: собственно язык (le langage), и индивидуальное говорение (la parole). Язык собственно — есть язык, как социальное явление, говорение же — явление порядка индивидуального. Собственно язык следует понимать, как "норму, которой подчинены все другие проявления речи". Это — "социальный продукт речевой способности и совокупность необходимых условий, принятых данной социальной средой для того, чтобы дать возможность индивидууму этой способностью воспользоваться". Естественной принадлежностью человека является не речь вообще — продолжает далее де-Соссюр, а способность конституировать собственно язык, то есть систему раздельных знаков, соответственно относящихся к раздельным идеям. Язык в этом смысле — это "лингвистическая способность по преимуществу (faculte linguistique par excellance). Что же касается индивидуального говорения — то оно не появляется иначе, как "с помощью орудия, созданного и приспособленного коллективом", то есть языка собственно".

"И если лингвистика, как наука о языке социальном, предполагающем прежде всего общение, коммуникацию, взаимное понимание, с полным правом игнорирует говорение, что собственно является ее обязанностью даже, то поэтика, которая заинтересована словом, как материалом какого-то построения, которой язык важен как элемент, лежащий в основе целесообразно построяемой структуры, естественно должна обратиться к говорению, являющемуся волевой надстройкой над системой наперед данных уже, навязанных нам, языковых знаков. Поэтика, так понимаемая, есть лишь часть стилистики, изучающей явления языка под углом зрения целесообразного использования его говорящими, анализирующей индивидуальное говорение, в зависимости от цели, этим говорением преследуемой".

1. Винокур. Поэтика. Лингвистика. Социология. (Методологическая справка) // "Леф", 1923, № 3, с. 106 и 108.

[33] Павел Медведев. Драмы и поэмы Ал. Блока. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 1928, с. 6. В усеченном виде книга переиздавалась в сборниках Медведева "В лаборатории писателя", выходивших в 1960 и 1971 гг.

[34] А.В. Лавров. Предисловие к его публикации: "Андрей Белый. Письма к П.Н. Медведеву" // Взгляд: Критика. Полемика. Публикации. М.: "Советский писатель", 1988, с. 430.

[35] Николай Клюев и П.Н. Медведев. Сергей Есенин. Л.: "Прибой", 1927. Здесь впервые полностью опубликован "Плач о Сергее Есенине".

[36] "Комсомольская правда", 1927, № 76, 5 апреля, с. 3.

[37] В. Саянов. Современные литературные группировки. Л.-М., 1931, с. 141.

[38] П. Медведев. О "Содружестве" (К 4-летию группы) // Содружество. Литературный альманах. Л.: "Прибой", 1927, с. 290.

[39] Памяти А.Л. Волынского. Под ред. П.Н. Медведева. Издание Всероссийского союза писателей. Л., 1928, с. 8.

[40] П. Медведев. In memoriam // Там же, с. 39-43.

[41] В семейном архиве Медведевых имеются письма Ф. Сологуба этого периода к Медведеву и записки Медведева о Ф.К. Сологубе.

[42] Об этом В. Шишков говорит в письме в защиту Медведева в НКВД (семейный архив Медведевых).

[43] "Царскосельские голоса" Э. Голлербаха: О. Мандельштам, П. Медведев, Ф. Сологуб, О. Форш и др. (Семейный архив Медведевых.) См. также: Э. Голлербах. Город муз. Издание второе. Л., 1930, с. 11-12, переиздание: М., "Книга", 1990.

[44] О Всеволоде Рождественском. Воспоминания. Письма. Документы. Л., 1986, с. 37. На этой книге сделана дарственная надпись: "Юрию Павловичу книгу, где мне удалось вспомнить и написать о прекрасном времени, когда я встречалась с замечательным человеком — блестящей личностью Павлом Николаевичем Медведевым. Ида Наппельбаум. Март 1990 г."

[45] К. Чуковский. Дневник 1901-1929. М.: "Советский писатель", 1991, с. 399. В коментарии к этому изданию на с. 526 указано, что Медведев был "главным редактором ленинградского отделения Госиздата". Это распространенная ошибка комментаторов. На самом деле Медведев

главным редактором не был, он был заведующим литературно-художественным отделом Ленгиза.

[46] Из письма проф. В.А. Десницкого в НКВД в защиту Медведева — 22 февраля 1940 г. (семейный архив Медведевых).

[47] Слова М.М. Бахтина цитируются по собственноручно им написанным показаниям, данным после ареста 28 декабря 1928 г. Архив УКГБ по Ленинградской области, д. 14284, т. 3, л. 7.

[48] См., например: Titunik J.R. "The formal method and the sociological method (M.M. Bakhtin, P.N. Medvedev, V.N. Voloshinov) in Russian theory and study of literature" // V.N.Voloshinov. Marxizm and the Philosohy of Language. New Jork; London, 1973.

[49] В.Ермилов. За боевую творческую перестройку // "На литературном посту", 1932, № 4, с. 11.

[50] Борис Пастернак — Павел Медведев. Письма к П. Медведеву // Литературное наследство, том 93, М.: "Наука", 1983, с. 709.

[51] А. Тамарченко. "Михаил Михайлович Бахтин // М.М. Бахтин — В.Н. Волошинов. "Фрейдизм": Chalidze publications, New York, 1983, с. 238.

[52] Запись беседы автора настоящей статьи с проф. А.В. Десницкой в сентябре 1986 г.

[53] Rethinking Bakhtin. Extensions and Challenges, edited by G.S. Morson and C.Emerson. Northwestern University Press, Evanston, Illinois, 1989, p. 45.

[54] Альбомы П.Н. Медведева, ОР ГПБ, фонд 474, и семейный архив.

[55] См.: А. Тамарченко. Михаил Михайлович Бахтин // М.М. Бахтин — В.Н. Волошинов. Фрейдизм..., с. 239. См. также: Конст. Вагинов. Козлиная песнь. М.: "Современник", 1990, с. 545.

[56] См.: Clark K., Holquist M. Op.cit., p. 117. Кстати, расшифровку прототипов по сообщениям друзей Вагинова см.: Четвертые тыняновские чтения. Рига, 1988, с. 81. Медведева — Асфоделиева там нет. Это "предположение" появляется в печати после выхода книги Кларк и Холквиста. Многочисленные письменные воспоминания современников о Медведеве рисуют облик человека разностороннего, увлекающегося, но далекого от цинизма.

[57] О том, что далеко не все филологи подпали под это влияние, свидетельствует хотя бы сборник "Из истории советской эстетической мысли 1917-1932 гг." (М.: Искусство, 1980, стр. 418-424), где Медведев (да и Волошинов) во вступительной заметке представлен как самостоя-

тельный автор "Формального метода..." и где опубликована главка из книги —"Проблема жанра".

[58] Н. Васильев. М.М. Бахтин или В.Н. Волошинов? К вопросу об авторстве книг и статей, приписываемых М.М. Бахтину // "Литературное обозрение", № 9, 1991, с. 39.

[59] Протокол допроса М.М. Бахтина 26 декабря 1928 г. (в протоколе ошибочно значится "1929 года") в ленинградском ОГПУ по делу № 108. Архив УКГБ по Ленинградской обл., д. 14284, т. 3, л. 20.

[60] С. Аверинцев. Михаил Бахтин: ретроспектива и перспектива // "Дружба народов", 1988, № 3, с. 259.

[61] Н. Васильев. Указ. соч., с. 38.

[62] От издательства // Михаил Бахтин. Формальный метод в литературоведении. Нью-Йорк: "Серебряный век", 1982, с. 6.

[63] См. Ken Hirschkop. Critical work on the Bakhtin circle: a bibliographical essay // Bakhtin and cultural theory. Manchester University Press, 1989, pp. 195-212.

[64] A.I. Wehrle. Introduction // Medvedev P.N./ Bakhtin M.M. The Formal Method in Literary Scholarship. Baltimore, London: The Johns Hopkins UP, 1978, p. XYI.

[65] ОР ГБЛ (РГБ), ф. 527. Архив М.В. Юдиной.

[66] Вяч.Вс. Иванов. Значение идей М.М. Бахтина о знаке, высказывании и диалоге для современной семиотики // Труды по знаковым системам, вып. 6, Тарту, 1973, с. 44.

[67] А. Тамарченко. Указ соч., с. 264 и далее.

[68] С. Ласкин. Вечности заложник // "Нева", 1991, № 4, с. 87.

[69] Morson Gary Saul, Emerson Caryl. Mikhail Bakhtin. Creation of Prosaics. Stanford University Press, 1990.

[70] Сб. "Взгляд"... , с. 430-444.

[71] Литературное наследство, т. 93, М., 1983, с. 702-717.

[72] См.: А.Белый. На рубеже двух столетий. М.: "Художественная литература", 1989, с. 20-21; Андрей Белый. Проблемы творчества. Статьи. Воспоминания. Публикации. М., 1988, с. 571, с. 592.

[73] См.: Литературное наследство, т. 93..., с. 702.

[74] Письмо П.Н. Медведева Андрею Белому от 22 апреля 1929 г. (ЦГАЛИ, Архив А. Белого, ф. 53, оп. 1, ед. хр. 222).

[75] "На литературном посту", 1932, № 5, с. 5.

[76] П. Медведев. В лаборатории писателя. Издательство писателей в Ленинграде, 1933. В усеченном виде вошла в сборники Медведева "В лаборатории писателя", Л., 1960 и 1971 гг. Перевод на чешский: Praha, 1983.

Как "новый шаг в методологии изучения этих процессов..." книга Медведева охарактеризована в сборнике "Психология процессов художественного творчества", (Л.: "Наука", 1980, с. 9), подготовленном Комиссией комплексного изучения художественного творчества при Научном совете по истории мировой культуры Академии наук.

[77] "Записки Передвижного театра", 1923, № 50.

[78] Ефим Добин. Павел Николаевич Медведев // П. Медведев "В лаборатории писателя", Л., 1960 и 1971, с. 4.

[79] Письмо Б.М. Сивоволова к Ю.П. Медведеву от 15 мая 1961 г.

[80] Письмо Н.Н. Заболоцкого к Ю.П. Медведеву от 5 апреля 1990 г.

[81] Неопубликованные строки Н.А. Клюева (Семейный архив Медведевых).